

Е.С. Харьковская

Механизм формирования иррациональных монетарных установок в период трансформации общества

Научный руководитель К.С. Лисецкий

Рациональное поведение человека, действующего в целях максимального извлечения прибыли в сфере экономической отношений является предметом изучения экономики, в то время, как проявления иррационального поведения экономического субъекта призвана изучать психология. Отдельные проявления иррационального поведения в сфере расходования денег (благотворительная деятельность, подарки, денежные патологии в сфере расходования денег) являлись предметом научных изысканий, в то время как иррациональное поведение экономического субъекта в сфере их получения, активного научного интереса пока не вызывало.

При этом необходимо отметить, что в конце XX начале XXI века мы столкнулись с парадоксальным, на первый взгляд, явлением, когда, получив возможность достижения в условиях рыночной экономики желаемого уровня материального благополучия, значительное количество образованного трудоспособного населения нашей страны обратилось, к различного рода, мистическим практикам. Разнообразные эзотерические школы обещают быстрое достижение материального благополучия путем замены одних представлений о себе и социальной среде другими («как мыслишь, так и существуешь»), изменения эмоционального состояния, совершением техник по визуализации «вхождения в денежный поток», и призывающим совершать различные ритуальные действия, отказываясь от целенаправленной деятельности с целью достижения желаемого уровня и качества жизни.

Чем вызвано массовое появление иррациональных монетарных установок в области получения денег в современный период времени в России?

Общая теория установки раскрывает психологические механизмы готовности к поведению и деятельности. В случае наличия потребности и ситуации возможного ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно охарактеризовать как его установку к совершенно определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности субъекта (Узнадзе, 1966). В психологии установки этот двойной способ образования установки (возможности окружающего мира + отношения к ним, основанные на потребностях индивида) подзабыт почти повсеместно, кроме теории

установки Д.Н. Узнадзе, где она формируется в момент «встречи» потребности индивида с ситуацией ее удовлетворения.

Установка – комплексный системный бессознательный психический механизм, представляющий собой состояние субъекта, в структуре которого выделяют когнитивный, аффективный и конативный компонент, определяющий готовность к деятельности, возникающий на стыке потребности личности и возможности удовлетворения данной потребности.

Основные исследования установок проводились в области их структуры и выявления закономерностей проявления установки в поведении субъекта. В теории установки осталась практически неразработанной проблема потребностей, хотя по логике теории она должна была стать одной из центральных, поскольку установка возникает именно благодаря «встрече» потребности индивида и ситуации. Без должного внимания была оставлена в стороне другая проблема – ситуация, благодаря которой образуется установка. Ситуация у Д.Н. Узнадзе – это не восприятие как перцепция, а восприятие возможности окружающего мира.

Потребность в деньгах в различные экономические периоды оказалась наполнена различными содержательными характеристиками. По мнению Н.Н. Зарубиной, в современной русской культуре восстановление ценности денег как регулятора общественных отношений совпало с восстановлением рыночной экономики, однако содержание данного символа в нашем обществе по своей социокультурной и социосемантической природе уже не рыночное, а принимает постмодернистский характер со всеми присущими ему особенностями — релятивизмом, иррациональностью, эклектичностью и т.д. Это формирует и особый тип поведенческих стратегий в финансовой области, которые все больше утрачивают специфическую рыночную рациональность. В постсоветской России складывание современной мифологии денег совпало, по существу, со спонтанными социально-экономическими трансформациями, наложившимися на общемировые процессы постмодернизации и глобализации (Зарубина, 2007).

В настоящее время в российской экономической среде одновременно в обороте находятся три категории денег: деньги архаические – докапиталистической экономики со присущими им свойствами – быть мерой стоимости строго материальных предметов, созданных природой или трудом человека; деньги рыночные символические – претендующие на то, чтобы быть всеобщим эквивалентом ценности всего материально проявленного, в том числе усилий, способностей и других личностных качеств и семиотические деньги постиндустриальной виртуальной экономики, которые, на самом деле, не имеет ценностного эквивалента в мире проявленных материальных предметов и отражают умение своевременно использовать информационный ресурс.

Как отмечено многочисленными исследователями, при принятии экономического решения ключевыми факторами являются неопределенность, сложность и динамичность среды принятия решения (Канеман и др., 2005).

Современное общество характеризуется резким революционным переходом от социалистического общества, где социальный статус определялся принадлежностью к группе избранных по какому-то критерию через небольшой период рыночной экономики с ценностью собственности как показателя уровня достижений к постиндустриальному обществу, где социальный статус во многом определяется уровнем потребления и стилем жизни. Данный переход сопровождался кризисом в экономике.

В своем анализе влияния макроэкономических реформ на монетарные установки Дейнека отмечает, что произошедшая макроэкономическая дискредитация денег, вызванная разорванностью функционирования денежного и товарного элементов классического «Товар – Деньги – Товар» (дефицит денег, бартеры и взаимозачеты) повлекли за собою деформации в экономическом сознании. Когда в деньгах минимизирована или вовсе потеряна доля реального (производящего) труда, тогда доминирует представление о них, как о явлении, которое порождает самое себя (Дейнека, 2002).

Психологическими последствиями этого феномена согласно выводам Дейнеки становятся: во-первых, гипертрофированная вера в финансовые игры, случай, финансовую удачу, мгновенное обогащение; во-вторых, избыточная потребительская активность (деньги нужно сейчас же потратить); в-третьих, усиление ощущения непредсказуемости, не подвластности человеку (его контролю) экономических процессов.

Кроме того, переход к рыночной (индустриальной) экономике вследствие глобализации в России совпал с процессом трансформации индустриального общества в постиндустриальное, в качестве основных особенностей которого исследователи выделяют следующее: а) переход экономических и социальных функций от капитала к информации; б) не собственность, а уровень знаний становится фактором социальной дифференциации; в) исчезает сама идея «линейной» детерминации любых проявлений в социальном пространстве, заменяясь идеей всеобщей множественной взаимообусловленности (Бодрияр, 2001); г) снижается статус социальной принадлежности как источника и фактора социализации (Белинская, 2006); д) нарастает глобализация СМИ и коммуникаций, которые реализуют распространение культуры индивидуализма и потребления по всему миру; е) изменяется цель потребления – с удовлетворения потребностей на манипулирование знаками.

Образ изменяющегося социального мира неизбежно вызывает изменения представления человека о самом себе в нем. Человек чувствует и понимает, что он вынужден расстаться со своим привычным «социальным Я», т.е. с образом самого себя, который сложился в ходе предыдущей идентификации, происходит смена и динамика референтных групп, социальных ролей, спектра решаемых проблем и образа жизни. Глобальные социальные изменения приводят к вынужденному изменению всей системы «Я», что связано с процессом утраты предшествующего «Я» – дезинтеграции

личности, и последующим процессом обретения «Я» – формирования новой структуры личности (Вяткин, 2010).

Климов показал, что субъективной характеристикой транзитивного общества является кризисная идентичность, когда люди вынуждены либо экспериментировать с новыми социальными ролями, либо становиться своего рода «фундаменталистами» своих прежних идентификационных предпочтений (Климов, 2001).

Процесс социализации личности в условиях трансформации общества характеризуется в том числе следующими особенностями: 1) социальные изменения опережают темп развития личности; 2) в отличие от адаптации в условиях эволюционной траектории развития, когда вначале меняются когнитивные структуры, в условиях неопределенной социальной среды «субъект вынужден менять свои стандарты поведения, сохраняя на относительно длительное время неизменной структуру сознания (ценности и установки)» (Корель, 1988); 3) человек пытается преобразовать новую ситуацию, обращаясь к способам решения, взятым из прошлого; 4) акцент смещается на активность личности в ходе социализации – человек пытается преобразовать наличную ситуацию, не имея культурно обусловленных образцов экономического поведения, и вынужден формировать модели социального поведения без опоры на общепринятые стандарты, конструировать персональную систему ценностей;

В кризисные периоды объективная потребность в материальных ресурсах, как правило, возрастает, однако представители многих социальных групп проявляют прямо противоположную тенденцию – снижают субъективную значимость материальных ценностей. Личность как бы «отступает» на надежные и проверенные позиции – к базовым ценностям как устойчивым компонентам самоопределения, к ценностям предыдущего этапа жизни или ранее пережитого социально-экономического уровня. Возникает феномен непоследовательного или «колебательного» экономического поведения субъекта (Журавлев, 2007).

Трудно провести грань между тем, что человек называет самим собой, и кое-чем из того, что он считает своим. То, что считает человек «продолжением себя в предметах», личной собственностью, формирует границы его психологического пространства, границы его «Я». Вслед за У. Джеймсом, утверждаем, что собственность является и важнейшей составляющей Я-концепции индивида (т.е. характеристикой не только социальной, но и персональной идентичности), определяя границы его «физического Я» (Радина, 2009).

Мы разделяем позицию, согласно которой социализация личности протекает как развитие «Я-концепции», которая является ничем иным, как системой самовосприятия. «Я» имеет двухкомпонентную структуру, состоящую из «Я-реального» и «Я-идеального», каждое из которых представляет собой субъективное представление о себе (Роджерс, 1994).

Российскими исследователями (Вяткин, Хащенко и др.) проведены эмпирические исследования влияния экономических изменений на

самовосприятие личности. В итоге были выявлены следующие закономерности.

В процессе экономической социализации личности происходит трансформация «Я-концепции» – в актуальном «Я» снижается доминирование этических представлений, а в требуемом «Я» нарастает доминирование рыночных представлений. Выявлен диссонанс между актуальным и требуемым «Я», являющийся закономерностью экономической социализации личности. Диссонанс проявляется как локальное противоречие рыночных и этических представлений в рамках одного образа «Я», так и противоречие между образами «актуального Я» и «требуемого Я». Данные противоречия обусловлены, в первую очередь, трансформацией общества, которая задает новые экономические реалии – новые ценности, приоритеты поведения, новые (экономические) роли. Однако и индивидуальное и общественное сознание сохраняет прежнее мировоззрение, ценности и приоритеты, что неизбежно вызывает конфликт (Вяткин, 2010).

Как уже было отмечено выше, установка как готовность к деятельности формируется на стыке потребности и возможности её реализации. На наш взгляд, место (фокус) формирования установки – самовосприятие личности. Так, «идеальное-Я» можно рассмотреть как запрос, потребность в достижении более высокого уровня жизнедеятельности, а «реальное-Я» содержит возможность реализации данного запроса. В случае, когда разрыв между потребностью и возможностью слишком велик – развивается интрапсихический конфликт, проявляющийся вовне в частности, и в иррациональном поведении.

Люди в большинстве своем стремятся к сохранению или повышению самооценки, т.е. к положительному образу себя. Если же идентичность их не удовлетворяет, то они стремятся покинуть группу, к которой они принадлежат в данный момент, и присоединиться к более высоко оцениваемой группе.

На наш взгляд, восприятие себя как обладателя уникального по своей универсальности ресурса в виде денег и человека, способного заработать деньги в процессе социализации встраивается в систему представлений о себе в структуру «Я-реального» личности. И мы обратили внимание на то, что в случае, когда в структуру «Я-идеального» встроен образ себя как обладателя более существенного ресурса, возможно проявление некоторых иррациональных поведенческих паттернов.

Этим можно объяснить такие некоторые известные денежные эффекты и некоторые иррациональные с экономической и бытовой точки зрения монетарные установки:

- Табуированность обсуждения количества денег (дохода), при том, что обсуждение размера расходов табуировано значительно меньше;

- Различное отношение индивида к деньгам, которыми он обладает и к деньгам, которым он не владеет. Так, деньги, которые «в кошельке» окрашиваются положительными ассоциациями, в то время, как деньги,

которых нет, или которых не хватает, могут вызывать отрицательные аффективные переживания.

- Склонность представителей менее обеспеченного слоя общества тратить больше денег на вещи, которые служат маркером высокого уровня материального благосостояния. Получая информацию о себе от социального окружения, они восполняют ущерб в восприятии себя.

- Установленные различия в принятии экономических решений в ситуации риска в отношении возможного приобретения и возможной потери;

В настоящий период одновременно в одном обществе взаимодействуют субъекты с социалистическими представлениями о справедливости, социальном статусе и ценностями преимущественно нематериального характера и соответствующими ожиданиями, представители индустриального, в чью систему ценностей встроены представления о товаро - рыночных отношений и зависимости уровня материального благополучия от усилий, направленных на его достижение; и начинающие формироваться субъекты постиндустриального общества, у которых отсутствуют установки на производительный труд как источник достижения материального благополучия.

В данных социальных условиях субъекты, процесс социализации пришелся на предшествующий этап социального развития, вынуждены либо перестраивать свои экономические, и в том числе монетарные установки для достижения необходимого в соответствии с «идеальным-Я» уровня материального благополучия, либо формировать психологические механизмы защиты целостности своего Я с целью адаптации к предъявляемым требованиям экономической эффективности.

С точки зрения данной гипотезы, не случайно, в период изменения экономической системы мы столкнулись с массовым проявлением психологической защиты «всемогущий контроль» (в других источниках - «инфантильное всемогущество»). Для младенца характерно ощущение того, что мир и собственное «Я» составляют единое целое и фантазия обладания контролем над миром нормальна: если младенцу холодно и заботящийся о нем человек замечает это и как-то его согревает, у ребенка возникает довербальное переживание магического добывания тепла им самим (*Мак-Вильямс, 2006*).

В качестве иллюстрации к нашим доказательствам – Зеланд продает свою технологию «трансерфинг реальности» как «технологию *управления* реальностью», утверждая, что «реальность существует независимо от вас до тех пор, пока вы с этим согласны», «всё, что вам нужно – это сделать заказ и *позволить* миру его исполнить».

На наш взгляд, определив для себя невозможность достижения необходимого для самовосприятия уровня благосостояния в данных социальных условиях, часть трудоспособного населения нашей страны регрессировала на уровень «экономического младенца» с целью последующего формирования более адекватных требованиям социальной среды экономических установок.

Кроме того, данный переход на мистические установки служит редукации напряжения интрапсихического конфликта, вызванного как не соответствием восприятия «Я-реального» и «Я-идеального», так и несоответствием усвоенных в процессе социализации монетарных установок требованиям социальной среды.

Таким образом, иррациональные установки по отношению к деньгам являются проявлением механизма защиты целостности личности в ситуации, когда субъект сталкивается с влияющими на его самовосприятие противоречивыми требованиями социальной среды или невозможностью удовлетворения монетарной потребности.

В контексте данной гипотезы необходимо отметить, что массовый вброс в российский социум разнообразных технологий мистического преобразования своей жизни способом изменения своей картины мира и эмоционального состояния, пришелся на период с 1995 года по 2004 год.

На наш взгляд, это может быть признаком того, что период ломки несоответствующего современным социальным условиям экономического мировоззрения заканчивается.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: «Рудомино». 2001.
2. *Вяткин А.П.* Психология экономической социализации личности: субъектно-ролевой подход: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010.
3. *Белинская Е.П.* Идентичность личности в условиях социальных изменений // Автореф. д-ра психол. наук. М.: МГУ, 2006.
4. *Дейнека О.С.* Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании // Психологический журнал, 2002. Т. 23. № 2.
5. *Журавлев А.Л. Купрейченко А.Б.* Феномены социального самоопределения: закономерности динамики сознания и поведения субъекта в нестабильных экономических условиях // Вестн. практ. психологии образования. 2007. № 1.
6. *Зарубина Н.Н.* О мифологии денег в российской культуре: от модерна к постмодерну // Социологические исследования. 2007. № 4
7. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения. Харьков: Институт прикладной психологии, гуманитарный центр, 2005.
8. *Климов И.А.* Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Социально-экономические трансформации в России. Сер.: Научные доклады / Под ред. Т.Г. Стефаненко. М. : ОНФ, 2001. Вып. 130.
9. *Корель Л.В.* Социология адаптации: Вопросы теории методологии, методики. Новосибирск: Наука, 2005.
10. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2006 .

11. *Радина Н.К.* Первичная экономическая социализация: конструирование Я и обретение собственности // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности (труды III международной научной интернет-конференции март–июнь 2009 г.). Омск: Полиграфический центр КАН, 2000.

12. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.

13. *Узнадзе Д.Н.* Общее учение об установке // Психологические исследования. М.,: Наука, 1966.